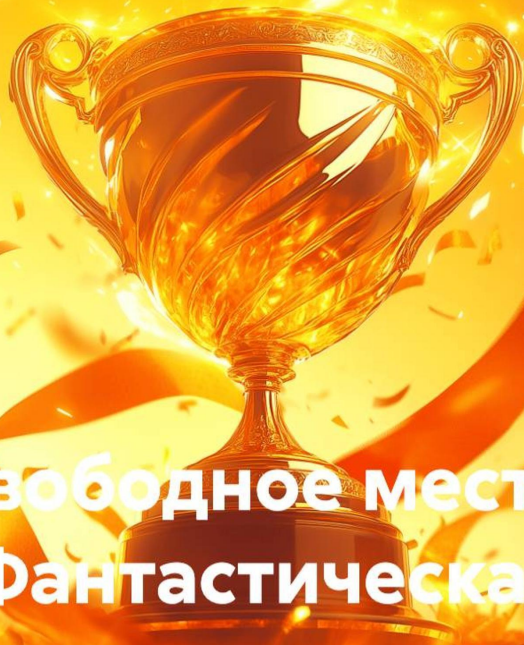

Дмитрий Мигунов

**Свободное место.
Фантастическая
комедия.**

Дмитрий Мигунов

Свободное место.

Фантастическая комедия.

<https://litres.ru/74371333>

SelfPub; 2026

Аннотация

Павел Стеценко девятнадцать лет расследует страховые мошенничества и знает наверняка: чудес не бывает, у каждого совпадения есть выгодоприобретатель. Пока пенсионер с одиннадцатую безупречными выплатами не показывает ему фокус — и Павел из чистого скепсиса не загадывает свободное место у вечно забитого подъезда.

Место находится. А дома код от звонка «никогда не существовал», мопс отзывается на чужую кличку, и жена уверена, что так было всегда.

Павел делает то, что умеет: заводит блокнот, собирает улики и открывает единственное дело, где подозреваемая — реальность. Только каждая попытка вернуться домой заканчивается миром чуть хуже и страннее. В одном Нижнем мошенники каются сами. В другом оборотни воют по графику ТСЖ. В третьем после конца света уцелел только Нижний Новгород — и никто не заметил: все были на огородах.

А рядом в каждом из этих миров — одна и та же женщина. И вот её Павел объяснить не может.

Фантастическая комедия о том, что домой не прыгают. Домой возвращаются.

Содержание

Глава 1. Выгодоприобретатель

5

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Дмитрий Мигунов

Свободное место.

Фантастическая комедия.

Глава 1. Выгодоприобретатель

Авария выглядела прилично. У белой «Камри» было смято переднее крыло, у старой «Приоры» треснул бампер, оба водителя стояли целые, трезвые и вполне довольные жизнью. Не сходились в этой аварии только люди.

Люди после настоящего ДТП держатся порознь. Каждый ходит вокруг своей машины, снимает её на телефон и репетирует про себя, что скажет жене. Эти двое стояли рядышком в тени фуры и мирно о чём-то разговаривали, как мужики в очереди на шиномонтаж.

Павел поставил машину поодаль и пошёл к ним по обочине, чувствуя сквозь подошвы, до чего накалился асфальт. Пятница ползла мимо, из города в сторону дач, душная, вся в стоп-сигналах. В открытые окна высывались локти, из локтей торчали сигареты, над крышами плыл общий, на всю пробку, шансон. Торопиться было некуда: люди, которые собираются соврать, никуда не торопятся тоже. Стоят и ждут, когда им начнут верить.

Работу свою Павел любил вот за эти первые полминуты. Пока идёшь от машины до чужого вранья, голова ещё пустая, картинка чистая: кто где стоит, кто куда не смотрит, у кого руки в карманах. Дальше начнутся слова, а от слов картинка только мутнеет.

Хозяин «Камри», крупный дядька в олимпийке, представился Виталием и рассказал всё сам, охотно и в подробностях: ехал в среднем ряду, никого не трогал, а этот вдруг перестроился и ударил в бок. Рассказывал он складно, с деталями — где притормозил, где посигналил, — и Павел дослушал до конца не перебивая. Подробности он любил: на подробностях люди сыплются чаще всего. Второй водитель, тощий парень в футболке с иностранной надписью, стоял рядом и кивал на каждое слово.

— Вы знакомы? — спросил Павел.

— Первый раз друг друга видим, — сказал Виталий.

Парень кивнул и на это.

Павел открыл блокнот и попросил документы. Парня звали Мезенцев Вячеслав, двадцать шесть лет, страховка свежая, месяц как оформлена. Пока Павел переписывал номера, пачка сигарет успела сходить от Виталия к Мезенцеву и обратно, и прикуривали оба от одной зажигалки.

Свидетель обнаружился чуть дальше, у серой «Октавии» — мужичок в кепке, старательно глядевший в телефон. Павел подошёл и с полминуты рассматривал его молча. Молчание он держал спокойно, без нажима — просто стоял и

смотрел, как смотрят на витрину. Мужичок за эти полминуты трижды обновил в телефоне одну и ту же страницу.

— А мы виделись, — сказал Павел наконец. — В марте, на богородской трассе. Вы тогда тоже случайно мимо проезжали.

— Я много езжу, — сказал мужичок, не поднимая глаз.

— Это заметно.

Вмятину на крыле Павел осмотрел уже для порядка. Присел на корточки, тронул скол пальцем — металл нагрелся за день так, что палец пришлось отдернуть. По краю скола сидела рыжая, обжитая ржавчина.

Ржавчина не заводится за сорок минут.

— Мужики, — сказал он, выпрямляясь, — давайте сэкономим друг другу вечер. Крыло помято давно, ещё по холодам, об столб или об угол гаража. Продавать с ним стыдно, чинить за свои жалко. Вячеслав со своим бампером подвернулся через знакомых, свидетеля позвали для солидности. И сигареты у вас одни на двоих — для незнакомых людей это даже трогательно.

Виталий засопел и стал смотреть в сторону, туда, где по шоссе уезжали в город люди, у которых всё было проще.

— Докажи, — сказал он без особой надежды.

— А мне незачем. Бумагу вам самим писать расхочется. Запомните на будущее: у совпадения всегда есть выгодоприобретатель. Как только появится заявление, я начну его искать. Вам это надо?

— И чего теперь? — спросил Мезенцев. Голос у него оказался тонкий, почти детский.

— Ничего. Разъезжаетесь и живёте дальше. Считайте, что повезло.

Слово это он выдал легко, не задумываясь. Чужим людям Павел его не жалел.

До машины он шёл, спиной чувствуя три обиженных взгляда.

В салоне стояла духота, как в парнике. Он распахнул обе двери, сел боком на водительское, ногами на асфальт, и разрешил себе минуту ничего не делать: сидеть, смотреть на ползущих мимо дачников и ждать, пока из машины вытянет жар. Минута полагалась ему по личному регламенту после каждого расколотого дела. Другого вознаграждения за расколотые дела всё равно не полагалось.

Потом он глянул на телефон — два пропущенных от Ирины Сергеевны.

— Отбил своих жуликов? — спросила она вместо приветствия.

— Отбил.

— Тогда заезжай в отдел, у меня для тебя подарок.

Слово это Павлу не понравилось сразу. Подарками Ирина Сергеевна называла две вещи: чужую премию и чужой висяк. Премий в августе не бывало.

— Дед один, — сказала она. — Одиннадцать страховых

случаев за два года. Одиннадцать выплат. И всё чисто, Паш. Совсем чисто.

Павел вырулил в поток. До самого отдела он думал одно: чистых не бывает. За девятнадцать лет ни разу не было. Аккуратные бывают, терпеливые бывают, попадаются такие, за которыми ходишь по полгода, — но у всякой красивой серии рано или поздно находится автор, и чудо в очередной раз отменяется. Павла такой порядок устраивал. В мире, где у совпадений есть авторы, он умел жить.

Папка деда оказалась тонкой и лёгкой, хотя дел в ней лежало одиннадцать. Павел полистал её за рабочим столом, хмыкнул, забрал с собой и поехал домой — читать такое лучше на сытый желудок.

Ещё с поворота он увидел, что все четыре места у подъезда заняты.

Ничего нового в этом не было. Дом у них был на шестьдесят квартир, а парковку под ним размечали в те времена, когда машина считалась роскошью: четыре места, и те вприпык. У самого подъезда стоял серебристый «Ларгус» соседа с четвёртого этажа — тот приезжал к шести, а в полседьмого уже поливал что-то на балконе, поглядывая вниз, на машину. За одиннадцать лет сосед не опоздал ни разу. Павел проверял. Рядом стоял ржавый «Фокус» тётки из четырнадцатой квартиры. Тётка давно не ездила дальше поликлиники, но место держала твёрдо. Третье и четвёртое занимали чьи-

то гости; судя по пыли на стёклах, гостили они с мая.

Война за эти четыре места шла столько, сколько они здесь жили, и велась по правилам, которых никто не записывал, но которые все знали назубок. Зимой очередь держали табуретками, и табуретки воровали чаще, чем магнитолы. На собрании жильцов кто-то однажды предложил жребий — предложившего чуть не побили обе партии сразу: и та, что стояла, и та, что только собиралась.

Павел объехал двор по кругу, скорее для очистки совести, и поставил машину у гаражей, за квартал. Там, посреди вытоптанного газона, торчал пенёк от тополя. Тополь спилили три года назад, когда полдома подписало жалобу на пух, и Павел до сих пор жалел о нём чуть больше, чем пристало взрослому мужику жалеть о дереве. Тася в тополиные юни собирала пух в трёхлитровую банку — говорила, что это летний снег и что должен же он где-то храниться до зимы. Банку в итоге конфисковала Женя — вместе с найденной там же зажигалкой.

— Четыре места на шестьдесят квартир, — сказал он пню, запирая машину.

Пень не возразил.

Обратно Павел шёл пешком, с папкой под мышкой. Вечер понемногу остывал, из открытых окон пахло ужинами, на каждом этаже своим. Во дворе, на уровне третьих этажей, переругивались из-за парковки два знакомых голоса — лениво, без огонька: эти двое ругались так уже лет десять и,

кажется, оба давно получали от процесса удовольствие. Проходя вдоль машин, он по привычке отметил, что у «Фокуса» спустило заднее левое, а гостям с третьего места пора бы протереть стёкла хотя бы из вежливости. Отучиться от этого он не мог и не пытался — у этой привычки не было выходов.

В подъезде пахло жареной картошкой с луком. Запах спускался откуда-то сверху, с его этажа, и последний пролёт Павел прошёл быстрее обычного.

Дверь он открывать не стал, хотя ключи лежали в кармане. Позвонил: два коротких, один длинный. Так у них было заведено — свои звонят кодом, чужие как попало, а кто код забыл, тот приносит мороженое. Правила придумала Тася, и они держались уже третий год без единой поправки.

За дверью зацокали когти, следом прошлёпали босые пятки.

— Кто там? — строго спросили из-за двери.

— Свои.

— Свои звонят кодом.

— Я звонил кодом.

— А я не слышала. Ты попал на мороженое, — сказала Тася и открыла.

Мопс Боря вывалился на площадку первым, хрюкнул и уткнулся Павлу в ботинок — выяснял, где хозяин был и чем это место пахло. Досмотр Павел перенёс стоя, как положено.

Тася стояла в проёме в Жениной футболке до колен и смотрела с прищуром человека, выигравшего спор.

— Долго едешь, — сообщила она. — Картошки уже почти нет.

Картошки было ещё полсковородки. Женя стояла у плиты спиной, в её позе читался длинный день, и Павел, проходя, тронул её за плечо.

Плечо под футболкой было тёплое и чуть опущенное — на нём, судя по наклону, висел весь сегодняшний день целиком. Пахло от Жени луком, подсолнечным маслом и, уже едва-едва, утренними духами, которых к вечеру почти не оставалось. Она не обернулась, только прижала на секунду его ладонь щекой; щека была горячая от плиты. Жест был старше Таси. Когда они перешли на него вместо «привет, как дела», Павел вспомнить не мог, а ведь дату стоило бы зафиксировать — в любом деле точная дата дорого стоит. Мысль вышла казённая, рабочая, он сам её устыдился — постоял ещё секунду и пошёл мыть руки.

— Как день? — спросил Павел.

— Тридцать раз «рыба» и тридцать раз «ракета», — сказала Женя, не оборачиваясь. — К пятнице он у меня зарычит.

Логопедом в детской поликлинике она работала двенадцатый год, и ходил к ней сейчас мальчик, который менял «р» на «л». Женя воевала за эту букву третий месяц, упрямо, по полчаса в день.

Вечерами она раскладывала на диване карточки со своими рыбами и ракетами и вполголоса рычала — отрабатывала раскат для завтрашнего боя. Павел за годы привык к этому, как привыкают к бою часов: слышал и не слушал. Спроси его кто, хороший ли она логопед, он бы растерялся: жена как жена, при чём здесь логопед.

За ужином говорила в основном Тася — у неё в классе шла какая-то большая история про то, кто с кем больше не дружит, со списками и перебежчиками. Павел ел картошку, которой «почти не было», слушал вполуха и кивал в нужных местах, а Женя изредка задавала уточняющие вопросы, из которых выходило, что действующих лиц она помнит лучше самой Таси.

Боря дежурил под столом, заняв позицию у Тасиного стула: из троих сидевших за столом ронял еду только один человек, и статистику эту Боря вычислил без всякого блокнота.

Тася за едой рисовала — тарелку она отодвинула на самый край, чтобы освободить место листу. На листе сидел Боря, похожий и величественный, как на монете. Хвост в лист не поместился и был пририсован сбоку, отдельно, со стрелочкой.

— Пап. — Она не подняла головы от листа. — Меня мама Киры может записать в художку, там запись в сентябре, надо только съездить посмотреть, и там вступительное, но Софья Андреевна сказала, что у меня рука поставлена, представляешь, поставлена, это она про меня сказала.

— В сентябре и посмотрим, Тась. Доживём до сентября — съездим.

— Ты в том году тоже так говорил.

Сказала без обиды, ровно, как отмечают факт погоды, и вернулась к хвосту. Женя посмотрела на Павла поверх карточек. Он сделал вид, что очень занят солью.

Про тот год Павел, честно говоря, не помнил. Помнил только, что было лето, что-то горело по работе и сентябрь виделся далёким и просторным, как чужой отпуск. Нынешний сентябрь виделся точно таким же. Он посолил картошку второй раз и решил, что уж в этом-то году — точно.

Потом он потянулся вилкой к сковородке.

— Изъятие вещдока, — сказал он.

— По протоколу, — отозвалась Тася, не поднимая головы.

Формулу они отработали, когда ей было лет пять, и с тех пор ни разу не сбились.

Рисунок с Борей Тася перед сном повесила на холодильник, подвинув в сторону прошлогодний натюрморт. Холодильник у них работал доской почёта: старые рисунки не выбрасывались — снимались с довольствия и уходили в архив на антресоли. Магнитов не хватало всегда.

Потом они с Женей поговорили. Повестка была обычная: счётчики — передал, школьное собрание — в четверг, кран на кухне — капает, но жить можно. Регламент выработался за годы сам собой: он докладывал по технической части, она по гуманитарной, прения не открывались. Заседание закры-

ли в половине десятого и разошлись по телефонам — она со своим на диван, он со своим в кресло. Час прошёл тихо, по-семейному: каждый в своей ленте.

Когда Тася с Борей ушли спать — Боря спал у неё в ногах, это тоже был закон, и тоже её, — Павел разложил на кухонном столе папку деда. Женя домывала посуду и время от времени заглядывала через его плечо.

Одиннадцать случаев. В феврале деда залили соседи сверху, и сосед вину признал. В апреле на его «Ниву» упала ветка; в ту ночь по всей области валило деревья. В мае град побил теплицу, и град был, вот справка. Пожар в сарае от проводки, кража колёс, ещё один залив. Всё мелкое, всё бесспорное, всё с фотографиями и актами.

Дед не хапал. Деду везло аккуратно, одиннадцать раз подряд.

— Бывают же счастливые люди, — сказала Женя, вытирая руки.

— Не бывают, — сказал Павел.

Женя пожала плечами и ушла стелить, а он посидел ещё, глядя на серую обложку. В квартире стало совсем тихо, только в ванной мерно капал кран, по которому давно было принято решение «жить можно», да за Тасиной дверью вздыхал во сне Боря. Завтра суббота. Съездит сам, без звонка.

Гурин жил на другом конце Нижнего, в частном секторе за Мызой — в доме с зелёной крышей и старой вишней у

забора. Субботним утром сектор жил своей жизнью: дымил чей-то ранний мангал, у колонки стояли с вёдрами две женщины и разговаривали так, что вёдра были явно предлогом, а на заборе через дом висело рукописное объявление про мёд с двумя ошибками в слове «майский». Павел ехал медленно, читал номера домов и никак не мог согнать с себя незаконное хорошее настроение. По-хорошему, всё про деда он поднял бы и из отдела, по базам. Но бумага говорит о человеке меньше, чем его двор, — а двор Гурина ему был нужен срочно.

За рулём он поймал себя на том, что репетирует предстоящий разговор, — и усмехнулся: молодых в отделе он первым делом отучал именно от этого. Кто репетирует, тот слушает себя, а слушать надо собеседника. С другой стороны, молодым пока не попадались деды с одиннадцатью безупречными выплатами.

Деда он отыскал к десяти утра — тот стоял посреди огорода со шлангом и поливал грядки с видом человека, у которого всё идёт по плану.

— Гурин Александр Александрович? — Павел развернул удостоверение. — Стеценко, страховая.

— Саныч, — сказал дед, не удивившись. — А я вас ждал, Павел Сергеевич. После восьмого случая ещё. Долго же вы собирались.

Отчества Павел не называл. Отметил это по привычке — и по привычке же объяснил: в удостоверении прочитал. По-

казывал он его, правда, секунды две, и шрифт там мелкий, но глазастые деды в жизни бывают. Проверять тут было нечего.

— А что такого было в восьмом?

— Цифра красивая. У вас же на красивые цифры глаз наметан.

Двор Павел осмотрел, пока шли к веранде, и осмотр этот его не порадовал. Теплица стояла под новенькой плёнкой, крыло у «Нивы» блестело, в сарае белела свежая проводка. Всё по актам, рубль в рубль. Люди, которые доят страховую, чинят что угодно, кроме того, за что получили деньги. Гурин починил всё.

На веранде дед разлил из термоса чай на смородиновом листе, крепкий до черноты. На столе под клеёнкой в жёлтый цветок нашлись сахарница и стопка старых кроссвордов; под потолком висели пучками сушёные травы, и пахла веранда ими — горько и по-аптечному.

— Чайник у меня в среду сгорел, — пояснил дед. — Пока термосом обхожусь.

— Двенадцатый случай будет?

— Не буду я по чайнику заявлять, — сказал Гурин с достоинством. — Совесть надо иметь.

Павел достал папку и разложил на столе одиннадцать дел. Он прошёлся по всем, спокойно и по порядку, от февральского залива до кражи колёс. Каждый случай по отдельности — житейское дело. Одиннадцать подряд за два года — статистическая невозможность. Так не бывает, Александр Алек-

сандрович. Так не бывает ни у кого.

Гурин слушал внимательно, кивал и прихлёбывал чай.

— Всё верно, — согласился он, когда Павел закончил. — Не бывает. А у меня — вот.

— И как вы это объясняете?

— Мне везёт.

Слово это Павел не любил с детства. Отец у него тоже верил, что ему везёт: сорок лет каждую субботу покупал лотерейные билеты на деньги, которые прятал от матери, и до самого конца просил Павла сверять номера по тиражной таблице, потому что глаза уже не читали мелкий шрифт. Павел читал вслух, по два раза каждый номер, а отец слушал, шевеля губами, и на каждой строчке успевал прожить отдельную маленькую жизнь — безбедную, секунды на полторы. Крупного отец так и не дождался. Мелкого, в общем, тоже.

— Везение — это статистика, — сказал Павел. — А статистику я умею читать. У совпадения всегда есть выгодоприобретатель.

— Есть, — легко согласился Гурин. — Я. Кто ж ещё.

Он подлил чаю и посмотрел на Павла поверх кружки, весело и внимательно.

— Вы ведь теперь не отстанете, пока не поймёте, — сказал он. — Я вашего брата знаю. Одиннадцать бумажек в ряд разложить — не каждый догадается, а вы разложили.

— К чему вы это?

— К тому, что мне не только со страховыми случаями ве-

зёт, Павел Сергеевич. Я просто выбираю, где стоять.

Схемы здесь не было. Девятнадцать лет Павел входил в чужие дворы и с порога понимал, где ему врут, — здесь не врали, и от этого было хуже, чем от любого вранья. Он собрал папку, поблагодарил за чай и пошёл к калитке, уже прикидывая, что до отдела отсюда полчаса, в субботу там пусто и никто не будет заглядывать через плечо, пока он поднимает по деду всё, что есть.

— Павел Сергеевич, — окликнул Гурин от веранды. — По базам меня проверять поедете? Проверьте, жалко, что ли. Только зря выходной потратите: про меня в базах скучно. Давайте короче сделаем.

Он сощурился на солнце и сказал буднично, как предлагают добавку:

— Хотите, фокус покажу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.